

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Функции интертекстуальных связей в романе Л. Д. Ржевского
«Две строчки времени»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 412 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Пахомовой Александры Ивановны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

доцент, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

Т.И. Дронова

инициалы, фамилия

_____

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2023 год

Введение

В процессе изучения романа Л. Д. Ржевского «Две строчки времени» нами было обнаружено, что текст произведения пронизан интертекстуальными связями, представленными эпитафиями, многочисленными цитатами, литературными аллюзиями и отсылками к явлениям мировой и отечественной культуры. Многочисленные обращения писателя к произведениям, по преимуществу писателей XIX и XX вв., свидетельствуют об особой *авторской стратегии*. Поэтому при исследовании художественной прозы Л. Д. Ржевского необходимо учитывать межтекстовые взаимодействия, которые имеют важное формально-содержательное значение. Поскольку в романе «Две строчки времени» (1976), являющимся **объектом** нашего исследования, одной из ведущих форм диалога с читателем являются интертекстуальные связи, **предметом** нашего изучения становится характер их функционирования в тексте.

Цель выпускной квалификационной работы – осмысление авторских стратегий интертекстуальности и функций интертекстуальных связей в романе Л. Д. Ржевского «Две строчки времени». Основными интертекстами, на наш взгляд, являются тексты, вынесенные в эпитафии, предваряющие каждую главу романа, а также внутритекстовые отсылки к циклу рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» и роману В. В. Набокова «Лолита».

Актуальность исследования обусловлена значимостью осмысления интертекстуальной стратегии автора для углубленного понимания произведения. Недостаточная изученность этого аспекта творчества Л. Д. Ржевского отечественными литературоведами открывает возможности для собственного анализа.

При изучении исследований, посвященных выявлению особенностей романа Л. Д. Ржевского, мы остановили свое внимание на работах А. И. Ванюкова, В. В. Агеносова, А. А. Коновалова. Мы также обратились к трудам специалистов по «Темным аллеям» И. А. Бунина (Ю. В. Мальцева,

И. И. Смирновой, А. Л. Родина) и «Лолите» В. В. Набокова (К. Проффера и др.).

Интересующие нас проблемы творчества Л. Д. Ржевского наиболее глубоко и разносторонне раскрываются в литературоведческих трудах А. А. Коновалова. В диссертации «Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского)» ученым подробно рассматривается как жизненный путь автора (начиная от обучения в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина и заканчивая последними годами жизни в Америке), так и формирование особой художественной манеры. Для нас особое значение имеет суждение литературоведа о том, что в «Двух строчках времени» Ржевский не просто опирается на художественный опыт Бунина, но и объясняет свое видение бунинской традиции.

Однако в современном литературоведении не хватает систематического исследования избранной нами темы: не предпринято осмысление роли эпитафий в романе «Две строчки времени», а также форм и функций бунинского и набоковского интертекстов в их соотнесенности.

Методологически значимыми для нас являются исследования Ю. М. Лотмана «Текст в тексте» и Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности».

Исходя из степени изученности вынесенной в название работы проблемы, учитывая специфику избранного для анализа произведения, мы поставили перед собой следующие задачи:

- Проанализировать источники эпитафий и их роль в романе Л. Д. Ржевского «Две строчки времени»; раскрыть характер их связи с авторским текстом.
- Выявить способы включения в роман Л. Д. Ржевского рассказов И. А. Бунина из цикла «Темные аллеи», определить их функции в структуре произведения; осмыслить специфику связей между «Двумя строчками времени» Л. Д. Ржевского и «Лолитой» В. В. Набокова.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух аналитических глав: **«Роль эпитафий в романе “Две строчки времени”»** и **«Формально-содержательное значение бунинского и набоковского претекстов в структуре романа»**, заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы

В первой главе **«Роль эпитафий в романе “Две строчки времени”»** мы предпринимаем попытку проанализировать источники и функции каждого эпитафия в структуре произведения, поскольку это необходимо для понимания авторского замысла и более глубокого погружения в текст.

В методологическом плане мы опираемся на статью С. З. Шейраняна «Значение эпитафия для понимания художественного смысла текстового целого» и диссертацию Е. М. Цукановой «Семантическая связь эпитафия с текстом». Литературоведы приходят к единому мнению, что цитата, находясь в сильной позиции (то есть перед общим текстом произведения), призвана раскрыть художественный замысел автора, выразить основную коллизию или тему, а также предупредить произвольность толкования идеи произведения, направить внимание читателя в заданном векторе, дать авторскую оценку изображаемому, воссоздать обстановку, в которой происходит действие или создать фон и настроение произведения.

В процессе анализа мы позволили себе изменить последовательность рассмотрения эпитафий романа в соответствии с замыслом нашей работы, а именно раскрыть смысл бунинского эпитафия ко второй главе романа в финале первой главы, а более подробно – во второй главе работы.

Первым проанализированным эпитафием, предпосланным главе «Виу-виу-виу», является цитата из стихотворения А. Белого «Вячеславу Иванову» – «Случится то, чего не чаешь...». Основной темой произведения Белого является воспоминание о поэте-современнике и друге. В контексте романа Ржевского нет более упоминаний ни о Белом, ни об Иванове, автор использует только первую строку стихотворения в эпитафии. Но фраза

«случится то, чего не чаешь» при прочтении первой главы романа раскрывается в полной мере, поскольку автор-повествователь неожиданно знакомится с Ией – девушкой, которая напоминает ему его первую любовь, мысленно возвращая в далекое прошлое. Таким образом, строка из произведения А. Белого, использованная в качестве эпиграфа, служит исключительно для наращивания семантических смыслов самого романа. Автором романа цитата используется для воздействия на читателя: во-первых, задается поэтическая атмосфера, восходящая к тексту, содержащему символистское восприятие мира. Во-вторых, благодаря эпиграфу вводится мотив предощущения непредвиденного – в сюжете произведения произойдет неожиданное, случайное стечение обстоятельств, которое даст толчок развитию отношений героев, причем это не просто встреча повествователя-романтика с молодой и притягательной для него женщиной, но и встреча с прошлым, поскольку героиня напоминает воплощающую для него «Вечную женственность» возлюбленную.

Эпиграфом к третьей главе «Пока» является цитата из романа А. И. Солженицына «В круге первом»: «Эта серо-черная девятиэтажная туша была линкор, и восемнадцать пилястров как восемнадцать орудийных башен высились по правому ее борту...». Эпиграф из романа соотечественника предпосылается Ржевским для определенного восприятия текста через призму идейно-образного содержания «В круге первом», поскольку общим для произведений является гнетущая атмосфера сталинского периода правления, которая раскрывается через судьбу героя-повествователя и Юты, которая погибает в лагерях.

Первый эпиграф, предпосланный четвертой главе романа «Юта» – строки из Ветхого Завета, книги Иова: «Ужасы устремились на меня ... и счастье мое унеслось, как облако...». Л. Д. Ржевский не включает в текст романа никакие из духовных смыслов книги Иовы, так как автора романа интересует не столько образ Иова, сколько его слова. Глава, к которой предпосланы слова Иова, раскрывает судьбу Юты и автора-повествователя:

когда, казалось бы, счастье двух влюбленных вскоре достигнет своего апогея, судьба вносит в жизни молодых людей испытания, с которыми они не в силах справиться – родителей Юты и ее саму репрессируют. Через приводимую Ржевским цитату раскрывается художественный замысел всей главы и дается определенный вектор развития событий в произведении. Читателей, не знающих еще содержания главы романа, эпиграф из книги Иова предпосылает к трагическому финалу взаимоотношений автора-повествователя и Юты. Но как было нами выявлено, приводимая в эпиграфе цитата является умышленно измененной: это необходимо Ржевскому для того, чтобы подчеркнуть, что причины ужасов и страданий героев романа отличны от причин страданий Иова. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что авторской стратегией в тексте романа является включение в эпиграф неполной цитаты для изменения смысла текста-источника, так как это обусловлено иной идеей главы романа, нежели книги об Иове.

Вторым эпиграфом к главе «Юта» является строчка из «Короля Лира» Шекспира: «...У нее // всегда был тихий, нежный, милый голос...». Цитата из трагедии Шекспира, характеризующая одну из главных героинь – Корделию, в тексте главы раскрывается особым образом. Предпосланная Ржевским к главе, посвященной первой возлюбленной автора-повествователя, она задает особый вектор восприятия Юты – как нежной, любящей, робкой и покорной девушки, несомненно, готовой на все ради семьи и главного героя. В ходе анализа нами выявляется близость героинь на духовном уровне: они чисты, изящны, невинны и благородны. Их разум не осквернен честолюбивыми помыслами, они мечтают о счастливом (но таком недостижимом) будущем, и живут только ради благополучия своих родных.

Еще одним поэтическим эпиграфом к главе «Юта» становится четверостишие из стихотворения Микеланджело в переводе А. Вознесенского: «Любовь моя, как я тебя люблю! / Особенно – когда тебя рисую. / Но вдруг в тебе я полюбил другую! / Вдруг я придумал красоту твою!» Приведенная цитата предпосылается Ржевским пятой главе, в

которой образ главной героини современных глав складывается окончательно. Для нас, в контексте изучения функций эпиграфа, представляет интерес образ Ии, который создает рассказчик, поскольку повествование в романе ведется от первого лица. Так как Ию мы видим исключительно глазами автора-повествователя, то можем предположить, что герой выстраивает *особый* образ девушки. Нами делается предположение, что рассказчик любит образ Ии так же, как творец в произведении Микеланджело любит свое произведение искусства. В связи с этим возникает вопрос об истинном облике героини романа Ржевского. На наш взгляд, в образе *новой* Ии есть квинтэссенция чувств и воспоминаний о прошлой возлюбленной – Юте. Символично в этом отношении и название романа, ведь *две строчки времени* как две ипостаси жизни автора, как две эпохи, пересекаются в одном человеке – Ие.

Эпиграфом, который открывает заключительную главу романа Ржевского «Вечера», становится цитата из поэмы М. А. Волошина «Святой Серафим»: «Бес вечерний / сердце жжет и тянет / горестною ссадиною старой, / расстилается воспоминаньем, / соблазняет суетою неизжитой». Как показало обращение к тексту-источнику, автор романа изменяет цитату, не просто убирает слова, а заменяет их на иные. «Сердце» у Ржевского не жмет, а жжет; словосочетание «сладимою истомой» заменяется на «ссадиною старой». Стоит предположить, что Л. Д. Ржевский таким образом вносит собственный смысл в цитируемое четверостишие с целью раскрытия особого содержания главы «Вечера». Это обусловлено развитием событий на сюжетном уровне: автор-повествователь ищет Ию, а когда встречается ее, то понимает, что героиня остается недостижимой и по существу *мертвой*, почти так же, как и Юта. Поэтому можно сказать, что девушки для рассказчика останутся *старой ссадиной* и воспоминанием. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что именно для понимания читателями всей сложности мироощущения главного героя и осознания ценности воспоминаний автора-повествователя Ржевский изменяет цитату из поэмы М. Волошина.

Заключительной в нашем исследовании, но не романе Ржевского, является цитата ко второй главе произведения «Темные аллеи» из одноименного цикла рассказов И. А. Бунина. Наиболее развернутая попытка проанализировать эпиграф – цитату из рассказа И. А. Бунина «Генрих» и самого рассказа – в связи с романом «Две строчки времени» предпринята нами во второй главе выпускной квалификационной работы, поскольку она в значительной мере посвящена выявлению функций рассказов И. А. Бунина из цикла «Темные аллеи» в структуре романа Л. Д. Ржевского.

Во 2 главе **«Формально-содержательное значение бунинского и набоковского претекстов в структуре романа»** мы прослеживаем реализацию двух ведущих функций интертекстуальности: характерологической и сюжетологической. Анализ функций мы предпринимает, начиная с рассмотрения эпиграфа ко второй главе романа «Темные аллеи» и продолжая в процессе изучения различных форм введения отсылок к одноименному циклу рассказов И. А. Бунина и роману В. В. Набокова «Лолита».

На наш взгляд, слова, произнесенные главной героиней рассказа «Генрих» и ставшие эпиграфом, отражают собственно авторское понимание эротической природы творчества, поскольку приводимая в эпиграфе цитата – всегда репрезентация авторского сознания. Бунинский текст, предпосланный второй главе, сигнализирует не только о ее теме, но и о наследовании автором «Двух строчек времени» опыта постижения любви в творчестве старшего современника. Ржевский, усваивая духовно-нравственный и художественный опыт И. А. Бунина, благодаря приведенной в эпиграфе цитате обосновывает свой художественный метод передачи эротических сцен. На страницах романа он неоднократно рисует рискованные ситуации, возникающие между главными героями, а основой для «начала» их отношений служит совместный перевод «Темных аллей», что задает поэтический камертон в восприятии героев и их взаимоотношений. Как показал анализ, одной из функций

интертекстуальности в романе является форма диалога со старшим современником.

Интертекстуальные связи с циклом рассказов Бунина «Темные аллеи» («Таня», «Галя Ганская», «Визитные карточки», «Генрих», «Степа», «Железная шерсть»), вплетены в текст в форме эксплицитных и имплицитных включений. Формы репрезентации и характер отобранных фрагментов произведений позволяет выявить особую авторскую интенцию в использовании интертекстов. Во-первых, названные рассказы выполняют сюжетологическую функцию в романе Л. Д. Ржевского: развитие любовного чувства писателя-повествователя и Ии в произведении строится по бунинской модели. Во-вторых, в процессе работы героев над переводами «Темных аллей» выявляются позиции персонажей по широкому кругу литературных и этических проблем, дается профессиональная оценка главным героем-писателем творчества И. А. Бунина, воплощается авторская концепция любви. В-третьих, включение эксплицитных интертекстуальных связей с циклом рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» расширяет характерологию главных персонажей романа, добавляя героям новые черты. Так, мы узнаем, что повествователь лично знаком с Буниным и ценит его, в первую очередь, за литературное мастерство, в то время как Ия отдает предпочтение эротизму новелл, нежели художественному таланту автора. Постепенно разница в восприятии бунинского наследия перерастает в разницу представлений о постижении любви в искусстве.

Реализация сюжетологической и характерологической функций интертекстуальности осуществляется в романе также посредством вплетения в текст романа Ржевского литературной аллюзии, отсылающей к рассказу «Чистый понедельник», который открывает новые смыслы в понимании образа главной героини. Ия предстает перед читателями такой же непонятой и лишней в обществе, как и главная героиня рассказа И. А. Бунина.

На повествовательном уровне включение в роман многочисленных эксплицитных отсылок к «Темным аллеям» создает особые смысловые узлы,

позволяет нарастить семантический пласт произведения посредством присутствия текста-источника и использования конструкции «текст в тексте».

Наращивание семантического пласта произведения происходит также за счет имплицитных отсылок к художественным текстам предшественников: основными в романе Ржевского литературными аллюзиями наряду с «Темными аллеями» И. А. Бунина, являются ассоциативные связи с романом В. В. Набокова «Лолита».

Обращение к «скандальному» роману Набокова осуществляется в тексте Ржевского благодаря референции и последующей рефлексии героев о влиянии «Лолиты» на молодое поколение. Герой-повествователь, комментируя роман соотечественника, не отрицает мастерства Набокова-писателя, но переводит разговор в нравственную плоскость. Отмечая, что в книге Набокова нет любви к жизни, которая присуща текстам Бунина, герой-повествователь, как и сам автор произведения, тяготеет более к бунинской концепции любви, нежели к набоковской эротике, что еще раз доказывает глубинные творческие связи Л. Д. Ржевского и И. А. Бунина. Но невозможно отрицать сложный характер притяжений и отталкиваний романов Ржевского и Набокова. На это указывают схожие черты двух произведений: двуплановость повествования и сюжетно-композиционный прием – воссоздание любви взрослого мужчины к юной особе. История раскаяния Гумберта, описанная им самим же, могла быть взята Ржевским как некий поэтический абрис к созданию произведения, не уступающему по силе психологического живописания. В обоих романах в основе сюжета заложена история любви, раскаяния и потери. Как для Гумберта, так и для повествователя «Двух строчек времени», возлюбленные остаются недостижимыми, а невозможность быть с ними приравнивается к невозможности существования.

Включение Л. Д. Ржевским в структуру текста романа референции и литературных аллюзий к роману В. В. Набокова «Лолита» свидетельствует о

том, что в творческом сознании автора «Двух строчек времени» это произведение присутствует и, возможно, он вступает в непрямой диалог со знаменитым современником. Вводимые Ржевским интертекстуальные связи, на наш взгляд, могут послужить открытию новых смыслов в романе «Две строчки времени» и углубить прочтение произведения Л. Д. Ржевского.

Именно благодаря форме диалога между автором-творцом и читателем с помощью текстовых отсылок к рассказам И. А. Бунина и роману В. В. Набокова формируются определенные условия прочтения романа Л. Д. Ржевского, возникает необходимость обратиться к перечитыванию произведений предшественников.

Заключение

На основании проведенного нами исследования представляется возможным сделать некоторые выводы об особой авторской стратегии в использовании претекстов в структуре романа и обозначить формы и функции интертекстуальных связей.

Используя в эпиграфах, предваряющих каждую главу романа, цитаты из произведений предшественников и современников, Ржевский направляет внимание реципиента по вектору восприятия цитируемого фрагмента, задает поэтический камертон в восприятии главных героев и их взаимоотношений. Благодаря интертекстам, выступающим в качестве характерологического средства, образы героев обретают дополнительную семантику.

Использование эпиграфов является свидетельством эрудиции и литературного мастерства Ржевского, поскольку приведенные цитаты охватывают многовековой период мировой культуры, а все цитаты несут в себе оригинальное поэтическое проявление авторского сознания. Некоторые цитаты Ржевский умышленно изменяет: это необходимо для достижения «определенного эффекта» – изменение контекста цитаты осуществляется для более полной связи с текстом романа «Две строчки времени».

Особое значение в романе имеет эпиграф ко второй главе романа «Темные аллеи» – цитата из рассказа И. А. Бунина «Генрих», который не

только позволяет судить об авторской концепции любви, но и обрисовывает отношения персонажей через призму судеб бунинских героев. Как показал проведенный анализ, бунинский претекст, эксплицитно представленный во второй главе романа, является определяющим в структуре целого.

Нами также определены новые семантические пласты, которые обретает роман Ржевского благодаря включению бунинских текстов в произведение; раскрыта диалогическая форма повествования, основывающаяся на диалоге автора-творца и читателя, ведущегося через многочисленные интертекстуальные связи, с помощью которых углубляется понимание взаимоотношений главных героев романа Ржевского и позиции создателя текста. Цитаты и референции к рассказам И. А. Бунина выступают в романе в качестве характеристики персонажей, служат наращиванию смыслов произведения, способствуют поэтизации повествования, а также являются источниками сквозных эротических мотивов в романе.

Нами было выявлено, что интертекстуальные связи романа Л. Д. Ржевского с «Лолитой» В. В. Набокова представлены такими формами, как референция и литературная аллюзия, с помощью которых происходит наращивание дополнительных смыслов романа «Две строчки времени».

В романе писателя-филолога через подключение интертекстуальных связей с широким кругом культурных явлений выстраивается образ автора-эрудита, автора-интеллектуала.

Исследование форм репрезентации и функций интертекстуальных связей в произведении Л. Д. Ржевского может быть продолжено благодаря расширению круга изучаемых произведений автора-эмигранта.